

ФИЛОСОФИЯ

КРАСОТА ИСКУССТВА В ПРЕДСТАВЛЕНИИ РУССКИХ РЕЛИГИОЗНЫХ ФИЛОСОФОВ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX В.

Елена Владиславовна Бутылкина

Старший преподаватель кафедры гуманитарных
и естественнонаучных дисциплин
Вологодской духовной семинарии
160901, Вологда, ул. Монастырская, д. 2
kateheovds@mail.ru

Для цитирования: *Бутылкина Е. В.* Красота искусства в представлении русских религиозных философов конца XIX — начала XX в. // Вопросы богословия. 2021. № 2 (6). С. 95–108. DOI: 10.31802/PWG.2021.6.2.007

Аннотация

УДК 7.01

В статье рассмотрены взгляды представителей русского религиозного ренессанса на проблему красоты искусства, воспринимаемого как продолжение творения и имеющего своей целью преображение тварного мира. В качестве источников использованы философские сочинения В. С. Соловьёва, Е. Н. Трубецкого, протоиерея С. Н. Булгакова, священника П. Флоренского, Н. А. Бердяева. Автор утверждает, что красота в представлении русских религиозных философов определяется как чувственное осуществление абсолютной божественной идеи, а красота тварного мира является результатом воплощения идеального сверхматериального начала в материальной действительности. Основное внимание автор уделяет рассмотрению искусства как предполагаемой области достижения совершенства абсолютной красоты, его действительности и самодостаточности как преображающей силы.

Ключевые слова: Безобразное, искусство, красота, осуществление божественной идеи, прекрасное, преображение, творение, эстетическая задача.

The Beauty of Art as Represented by Russian Religious Philosophers of Late 19th – Early 20th Century

Elena V. Butylkina

Senior Teacher at the Department of Humanities and Natural Sciences
at the Vologda Theological Seminary
2 Monastyrskaya St., Vologda 160901, Russia
E-mail: kateheovds@mail.ru

For citation: Butylkina, Elena V. (2021) “The Beauty of Art as Represented by Russian Religious Philosophers of Late 19th – Early 20th Century”. *Theological Questions*, no. 2 (6), pp. 95–108 (in Russian). DOI: 10.31802/PWG.2021.6.2.007

Abstract. The article examines the views of representatives of the Russian Religious Renaissance on the problem of the beauty of art, perceived as continuation of divine creation and having as its goal a transformation of the created world. The sources used are philosophical works of V. S. Soloviev, E. N. Trubetskoy, Archpriest S. N. Bulgakov, Priest P. A. Florensky, and N. A. Berdyaev. The author indicates that the Russian religious philosophers conceived beauty as sensual realization of God’s absolute idea, and that the beauty of the created world is the result of the embodiment of the ideal supermaterial principle in material reality. The author’s main focus is treating art as a presumed domain where absolute beauty achieves its perfection, effectiveness, and self-sufficiency as a transforming force.

Keywords: Aesthetic task, art, beautiful, beauty, creation, transformation, realization of the divine idea, ugly.

Кризис современного искусства — тема весьма актуальная и довольно широко обсуждаемая в последнее время. Кто-то считает, что это кризис культуры специалистов, кто-то видит его в противоречии между техникой и вымыслом, когда недостаток последнего и утрата чувства жизни заменяется различными псевдохудожественными ухищрениями, кто-то говорит о кризисе визуальности, вызванном «изодрёнными технологиями создания изображений» и «агрессивной мультимедийностью»¹. Но если согласиться с мыслью, что «история искусства — это история вдохновения и мысли, рождённой под знаком красоты»², то кризис искусства — это прежде всего кризис красоты. И процессы, приведшие к этому кризису, начались ещё в позапрошлом столетии, когда «неизобразительное искусство», явившее себя в авангардных течениях, начало «сошествие во ад, не сопровождаемое воскресением»³, когда «под видом красоты, в её образах и символах представала падшая вселенная, мир надорванный и сломанный», а «в изысканных формах модерна открылся культ смерти и сладострастия; игра с “некто”»⁴.

И ныне не утратили своей злободневности слова, сказанные В. С. Соловьёвым: «Странно кажется возлагать на красоту спасение мира, когда приходится спасать саму красоту от художественных и критических опытов, старающихся заменить идеально-прекрасное реально-безобразным»⁵. Эти попытки спасти красоту, предпринятые в последние десятилетия XIX — начале XX в. русскими религиозными мыслителями, вылились в создание русской теургической эстетики, которую В. В. Бычков определяет как «духовно ориентированную имплицитную эстетику, направленную на активное преобразование всей жизни человеческой по эстетическим и религиозно-этическим законам в процессе особого художественного творчества, уповающего на духовную поддержку свыше»⁶. Значительная роль в этой эстетике была отведена проблеме красоты искусства.

Определяя красоту как чувственное осуществление абсолютной божественной идеи, русские религиозные философы полагали Бога

1 *Байдин В.* О кризисе визуальности в изобразительном искусстве. URL: <http://gefter.ru/archive/23789>

2 Там же.

3 *Клеман О.* Отблески света: православное богословие красоты. М., 2004. С. 35.

4 *Цветаева М. Н.* Генезис культурно-религиозных смыслов русского искусства: от иконы до авангарда: дис. д-ра культурологии. СПб., 2006. С. 7.

5 *Соловьёв В. С.* Красота в природе // *Соловьёв В. С.* Сочинения. М., 1994. С. 198.

6 *Бычков В. В.* Русская теургическая эстетика. М., 2007. С. 9.

основанием красоты. При этом прот. Сергей Булгаков и о. Павел Флоренский отождествляют красоту с божественной Софией в рамках софиологии, а В. С. Соловьёв понимает её как одно из проявлений Бога, наряду с благом и истиной, в контексте философии всеединства. В представлении Н. А. Бердяева красота является конечной целью бытия, как реальное и совершенное осуществление добра.

Утверждая объективный характер красоты тварного мира, русские религиозные мыслители понимали её как результат воплощения идеального сверхматериального начала (идеи, логоса) в материальной действительности. При этом степень выражения совершенства идеального бытия в тропосе существования может быть различной, поскольку в реальности тварь может в разной степени актуализировать предвечную божественную идею о себе, будучи неадекватна ей или даже антиидейна, что будет проявляться как уродство и безобразность. По мнению В. С. Соловьёва, степень воплощения божественной идеи, а значит и степень красоты твари, зависит от силы сопротивления материальной основы идеальному началу, что Е. Н. Трубецкой связывает с осуществлением божественной идеи в свободе.

Таким образом, в эстетическом сознании русских философов красота является важнейшим признаком реализации божественного замысла творения мира⁷. Однако, по утверждению В. С. Соловьёва, совершенная красота не может быть достигнута в области природы, поэтому решение этой эстетической задачи возлагается философом на искусство как область человеческого творчества⁸. Обусловлено такое решение тем, что человек, в котором достигается «полное взаимное проникновение и свободная солидарность духовных и материальных, идеальных и реальных, субъективных и объективных факторов и элементов вселенной»⁹, является не только результатом, но и деятелем мирового процесса, средством воздействия на природу идеального начала. При этом, как обладающий не только совершенной телесной красотой, но и самосознанием, он не просто участвует в творении, но делает это осмысленно и свободно. Соловьёв пишет: «В устройении физического мира (космический процесс) божественная идея только снаружи облекла царство материи и смерти покровом природной красоты: чрез человечество, чрез действие его универсально-разумного сознания она

7 Подробнее см.: *Бутылкина Е. В.* Категория красоты в русской религиозной философии конца XIX – начала XX в. // *Рязанский богословский вестник.* 2020. № 1 (21). С. 124–139.

8 *Соловьёв В. С.* Общий смысл искусства // *Соловьёв В. С.* Сочинения. М., 1994. С. 237.

9 Там же. С. 238.

должна войти в это царство изнутри, чтобы оживотворить природу и увековечить её красоту»¹⁰.

Красота искусства не является повторением природной красоты, ещё очень далёкой от совершенства, поскольку прекрасные явления физического мира не исполняют условий подлинной красоты, необходимых для наиболее полного чувственного осуществления абсолютной идеи, которое предполагает теснейшее взаимодействие между духовным и вещественным бытием, их гармонический синтез. Для соединения духовного содержания с чувственным выражением необходимы: «1) непосредственная материализация духовной сущности и 2) всецелое одухотворение материального явления как собственной неотделимой формы идеального содержания»¹¹. И материализация идеального начала, и одухотворение материи в природной красоте весьма поверхностны, следствием чего является её неспособность «...выражать идею жизни в её внутреннем, нравственном качестве, а лишь в её внешних, физических принадлежностях, каковы сила, быстрота, свобода движений и т. п.»¹². Этой поверхностностью объясняется и непрочность всех индивидуальных явлений красоты физического мира, как непричастных бессмертию идеи. Поэтому высшую теургическую задачу преобразования мира по законам красоты философ ставит перед искусством, конкретизируя её тремя аспектами: «1) прямая объективация тех глубочайших внутренних определений и качеств живой идеи, которые не могут быть выражены природой; 2) одухотворение природной красоты и чрез это 3) увековечение её индивидуальных явлений»¹³.

Однако искусство ещё не достигло совершенной степени своего развития, поэтому оно пока «...не в состоянии овладеть всею нашей действительностью, преобразовать её, сделать всецело прекрасною»¹⁴. Выполнение искусством своей высшей задачи совпадёт, по мнению Соловьёва, с концом всего мирового процесса. До той поры произведения искусства только предваряют совершенную красоту, выявляя её проблески в текущей действительности и «...служат таким образом переходом и связующим звеном между красотой природы и красотой будущей жизни»¹⁵.

10 Соловьёв В. С. Смысл любви // Соловьёв В. С. Сочинения. М., 1994. С. 303.

11 Там же. С. 243.

12 Соловьёв В. С. Общий смысл искусства // Указ. соч. С. 244.

13 Там же. С. 245.

14 Соловьёв В. С. Красота в природе // Указ. соч. С. 199.

15 Соловьёв В. С. Общий смысл искусства // Указ. соч. С. 245.

В прямую зависимость от решения искусством эстетической задачи Соловьёв ставит и разрешение задачи этической. Являясь чувственно выраженной формой истины и добра, красота не может быть отделена от них. В противном случае она лишается собственного внутреннего содержания. Следовательно, «если художник станет изображать прямое как кривое, круглое как квадратное, если в каком-нибудь телесном образе то, что выше, он поставит ниже и то, что назади, переставит вперёд... то, погрешая прежде всего против истины, он, вместе с тем и тем самым, погрешит против красоты, произведя нечто безобразное»¹⁶. Соответственно, искусство, совершенно независимое от теоретического (истина) и нравственного (добро) элементов невозможно¹⁷.

Для протоиерея С. Булгакова красота в искусстве, как и красота в природе, есть явление божественной Софии. Упоенный красотой мира, художник умными очами прозревает в ней проявление Софии и являет своё видение миру. Произведение искусства «...есть эротическая встреча материи и формы, их влюблённое слияние, почувствованная идея, ставшая красотой: это есть сияние софийного луча в нашем мире»¹⁸. При этом живое чувство красоты, которым должен быть одарён художник, являет собой «особый путь к постижению вселенной»¹⁹. В догматическом очерке «Икона и иконопочитание» о. Сергей рассуждает об искусстве как об «особом образе боговедения и откровения», в котором через красоту открывается Бог²⁰. Оно даёт человеку возможность хотя бы чувством красоты коснуться ризы Божества, почувствовать себя «...не комком материи или двуногой обезьяной, но бесконечным духом, питающимся абсолютным и божественным»²¹. В своей монографии, посвящённой софиологии о. Сергия, Н. А. Ваганова отмечает, что обретение живого религиозного опыта Булгаков «...ясно описывает как путь к Богу через *упоение миром*, религиозно пережитое чувство красоты природы, искусства»²².

16 Соловьёв В. С. Значение поэзии в стихотворениях Пушкина // Соловьёв В. С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 9. СПб., 1913. С. 325.

17 См.: Соловьёв В. С. Философское начало цельного знания. Минск, 1999. С. 311.

18 Булгаков С. Н. Свет Невечерний: созерцания и умозрения. М., 1994. С. 221.

19 Булгаков С. Н. Что даёт современному сознанию философия Владимира Соловьёва // Булгаков С. Н. От марксизма к идеализму: сборник статей (1896–1903). СПб., 1903. С. 197.

20 Булгаков С. Н. Икона и иконопочитание: догматический очерк // Булгаков С. Н. Первообраз и образ: сочинения. В 2 т. Т. 2: Философия имени. Икона и иконопочитание. М.; СПб, 1999. С. 267.

21 Булгаков С. Н. Религия человекобожия у русской интеллигенции // Булгаков С. Н. Два града: исследование о природе общественных идеалов. СПб., 1997. С. 262.

22 Ваганова Н. А. Софиология протоиерея Сергия Булгакова. М., 2011. С. 281.

Искусство есть «одновременно и ведение, и облечение красотой, осмысленная красота»²³. Оно прозревает красоту горнего мира и стремится сделать эту красоту ощутимой, «оно показывает то, чего жаждет и о чём тоскует душа, являя тварь в свете Преображения»²⁴. Поэтому всякое подлинное искусство, являющее красоту и живущее в красоте, открывая мир высших образов и идей, осуществляет «...частичное или предварительное преобразование мира, явление его в Софии...»²⁵. Так, например, человек перестаёт стыдиться своего тела и чувствовать свою болезненную плотность, когда созерцает свою подлинную телесность в прекрасных обнажённых изваяниях эллинов, в которых, по мнению С. Н. Булгакова, запечатлена изначальная идеальная красота, «некая правда человеческого тела»²⁶. Однако если искусство изменяет этой своей задаче и обращает свой взор исключительно на реалии дольнего мира, то оно перестаёт быть искусством и становится художественной магией, приобретает черты хозяйства, а красота заменяется красиво­стью. Эта замена происходит потому, что красота иератична и поэтому не может быть привычной и повседневной, таковой может быть только красивость, «...красота положения, но не духовного содержания»²⁷.

Будучи причастно Красоте, неотделимо от неё по своей природе, искусство не обладает её силой, являет красоту, но не создаёт её. Красота первична и в себе самой имеет и силу, и убедительность. Искусство же не имеет самостоятельного значения и есть лишь путь к обретению красоты, её порождение. С. Н. Булгаков ставит вопрос о границе искусства: «Просветление мира красотой, облечение его ризой софийности, насколько оно даётся искусству, остаётся ли навсегда лишь символически преобразовательным, или же может стать и действительно преобразующим?»²⁸ И отвечает на этот вопрос отрицательно. Искусство бессильно создать подлинную жизнь в красоте, и в этом смысле оно не действительно. Не искусство, а Красота является преобразующей, софийной силой, поэтому без воздействия благодати Божией, усилиями только искусства и человеческой воли преобразить тварный мир невозможно. Тем более что окончательное и полное преобразование

23 Там же. С. 310.

24 Булгаков С. Н. Свет Невечерний. С. 306.

25 Там же. С. 199.

26 Там же. С. 232.

27 См.: Там же. С. 307–308; Булгаков С. Н. Интеллигенция и религия: о противоречивости современного безрелигиозного мировоззрения. СПб., 2000. С. 35.

28 Булгаков С. Н. Сны Геи // Булгаков С. Н. Тихие думы: из статей 1911–15 гг. М., 1918. С. 144.

мира красотой лежит за пределами нынешнего бытия, в воскресении и жизни будущего века.

Но если искусство неотделимо от красоты по природе, то откуда в нём появляется безобразное и уродливое? В искусстве, по образному выражению С. Н. Булгакова, «живом красотой»²⁹, в не-красоте, уродстве и безобразии являет себя тоска. В зависимости от природы её происхождения, он выделяет «адскую» тоску, имеющую своим началом богоборческий духовный мятеж и свидетельствующую о гибельном распаде духа, «уныние» или тоску греховного бессилия, являющуюся следствием болезни и греховной слабости духа, маловерия и страха перед злом и страданием, и «печаль яже по Бозе», способствующую очищению и росту души. Тоска по-разному проявляется в искусстве. В случае отрицательного понимания свободы в искусстве преобладают богоборческие и богоотступнические мотивы. Духовное бессилие приводит к эстетизму, т. н. «чистому» искусству, к бессилию творчества. Томление души, отражённое в творчестве, становится зовом к преображению. Таким образом, безобразное как отрицание красоты, не имеющее самостоятельного бытия, есть «...или хула на красоту, её демоническое растление... или же, наоборот, тоска по красоте и боль от её искажения, следствие той взыскательной правдивости, которая хочет лишь полной, всецелой красоты, а всякую полукрасоту ощущает как уродство»³⁰. В последнем случае уродливое и безобразное есть устремлённость к красоте, пророчество о грядущем преображении мира. Примером подобного пророчества является для С. Н. Булгакова творчество скульптора А. С. Голубкиной.

Ярким примером уродливого и гнусного как явления демонического является, в представлении С. Н. Булгакова, творчество Пикассо, «преднамеренная уродливость кубического письма» которого есть выражение «богоборческого цинизма» и «дьявольской злобы», порождение «подполья», «бунтующей, самопоедающей самости», «плод демонической одержимости»³¹. В своих безобразных формах оно являет мироощущение злого духа, ненавидящего творение Божие и изнывающего в адской муке. Если святые видят мир как Красоту, то для демона мир есть бездарность и уродство. И Пикассо показывает, каким мир представляется демону. Он изображает подлинный лик Красоты,

29 Булгаков С. Н. Тоска // Булгаков С. Н. Тихие думы: из статей 1911–15 гг. М., 1918. С. 59.

30 Там же.

31 Булгаков С. Н. Труп красоты: по поводу картин Пикассо // Булгаков С. Н. Сочинения: в 2 т. Т. 2: Избранные статьи. М., 1993. С. 530, 532, 533.

но делает это сквозь призму нелюбви и сатанинской злобы, пакостно, кощунственно и клеветнически, превращая её в безобразный разлагающийся труп. Но есть ещё красота Люцифера, героя подполья, той самой изнанки бытия, куда опускается человек, замкнувшийся в своей самости, переставший чувствовать себя в Боге, сам захотевший стать богом (напр., Демон Лермонтова или Врубеля). Однако это мнимая красота, она «...есть только поза, таит в себе обман и безвкусие, как дорогие и роскошные одежды с чужого плеча, одетые на грязное белье, как роскошествующая жизнь в долг и без всякой надежды расплаты, как гениальничающая бездарность»³².

О том, что «красота зла есть иллюзия и обман»³³, говорит и Н. А. Бердяев. Лживую красоту он именуется красотой, которая, в отличие от истинной красоты, имеющей ноуменальное начало, относится лишь к миру феноменальному³⁴. Оторванная от источника света, красота может переходить в свою противоположность, но она становится демонической не по сущности, а в силу направленности и внутреннего состояния человека. Демоническое начало проявляется в эстетстве, когда признаются только эстетические ценности, которые подменяют ценности истины и добра. Красота, «...разорвавшая с истиной и добром, начинает разлагаться и в конце концов превращается в уродство»³⁵.

Творчество в целом Бердяев понимает как продолжение миротворения, активное участие человека в деле создания Царства Божия и осуществления Божия замысла о мире, как удовлетворение Божией тоски по любви, по своему другому, как реализацию человеком самого себя как Божией идеи³⁶. По убеждению философа, творчество возможно и оправдано лишь тогда, когда оно есть соучастие в миротворении, служение Богу, в противном случае оно беспредметно и бессмысленно. Смысл же искусства Бердяев видит в том, что оно упреждает реальное преображение мира, но в пределах искусства это преображение ещё не достигается. Он полагает, что «в искусстве даны лишь символы красоты» и отблески утерянного рая, «реально же красота дана лишь в религиозном преображении твари»³⁷. Более того, он утверждает, что искусство

32 Булгаков С. Н. Свет Невечерний. С. 161.

33 Бердяев Н. А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого // Бердяев Н. А. Диалектика божественного и человеческого. М.; Харьков, 2003. С. 450.

34 Там же. С. 450.

35 Там же. С. 456.

36 См.: Бердяев Н. А. Философия свободного духа // Бердяев Н. А. Диалектика божественного и человеческого. М.; Харьков, 2003. С. 210–211.

37 Там же. С. 214.

в своих новых течениях «...начало отрекаться от красоты»³⁸, и это породило его глубокий кризис. Так, по мнению Бердяева, «футуризм громко возвещает смерть красоты...»³⁹, воспевая машину, которая заменила ему божественно-прекрасную природу. Машина представляется некоей новой действительностью, «не Богом сотворённой»⁴⁰, несущей смерть всему естественно прекрасному. Машина «...есть распятие плоти мира...»⁴¹, она «...вырывает человеческий дух из органической плоти...»⁴², что приводит к потере формы, безобразности и безобразности, а следовательно, влечёт за собой гибель красоты. Механизация и материализация человеческой жизни приводят к развоплощению мира. Гениальным «выразителем разложения, распластования, распыления физического, телесного, воплощённого мира» Бердяев называет всё того же Пикассо, который «за пленяющей и прельщающей женской красотой... видит ужас разложения, распыления»⁴³. Исчезнув из жизни, красота исчезает и из искусства.

По утверждению священника П. Флоренского, наиболее «чисто выраженным типом искусства»⁴⁴ является икона. Как феномен, являющий собой «некоторый факт Божественной действительности», «подлинный духовный опыт»⁴⁵, она есть по преимуществу свидетельство Красоты. Понимая икону как вещественное закрепление красоты Первообраза, Флоренский уделяет большое внимание триаде «лик — лицо — личина». Он определяет лицо как явление реальности тварного мира. В нём размыта граница объективного и субъективного, а реальность присутствует прикровенно, поэтому восприятие его есть одна из возможных схем, под которую подводится то или иное лицо, и типичным оформлением которой является художественный портрет. Будучи явлением некоторой внешней реальности, лицо вне этой своей функции приобретает отрицательный смысл, становится личиной. Это происходит, когда оно вместо того, чтобы открывать истинную сущность личности, «...не только ничего не даёт в этом направлении, но и обманывает нас, лживо указывая на несуществующее»⁴⁶. Личина есть полная

38 Бердяев Н. А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого // Указ. соч. С. 456.

39 Бердяев Н. А. Философия свободного духа // Указ. соч. С. 300–301.

40 Бердяев Н. А. О назначении человека. М., 1993. С. 198.

41 Бердяев Н. А. Кризис искусства. М., 1918. С. 15.

42 Бердяев Н. А. О назначении человека. С. 197.

43 Бердяев Н. А. Кризис искусства. С. 30–31.

44 Флоренский П., свящ. Иконостас // Богословские труды. 1972. Вып. 9. С. 139.

45 Там же. С. 102.

46 Там же. С. 93.

противоположность лику. Ликом лицо становится тогда, когда в нём осуществляется подобие Божие, и оно тем самым «...получает чёткость своего духовного строения...»⁴⁷. По мысли П. А. Флоренского, лик есть проявление онтологии, духовная основа всякого человека. Определяя подобие Божие как «...возможность образ Божий, сокровенное достоинство наше, воплотить в жизни, в личности, и таким образом явить его в лице», философ приходит к выводу, что лик есть свидетельство Первообраза и явление «...духовной сущности, созерцаемого вечного смысла, пренебесной красоты некоторой действительности, её горнего первообраза...», иными словами, сверхчувственной идеи⁴⁸. Если лицо, являя собой лишь одну из возможных своих схем, в искусстве оформляется как портрет, то лик, как единственно возможная метафизическая схема лица, выражающая его онтологическую основу, нуждается в иконе, которая есть вещественное закрепление красоты Первообраза.

Князь Е. Н. Трубецкой считает икону «единственным в мире искусством»⁴⁹, наделяя её необычайной красотой. Признавая за искусством вообще потенциальную возможность пробудить духовные силы человека и освободить его из замкнутого круга бессмысленности существования в рамках биологического закона, он, тем не менее, констатирует, что красота искусства оказывается в большинстве случаев орудием весьма немощным, ибо «искусство, воспевающее суетную жизнь, или не обладающее достаточной силою, чтобы пересоздать её, поднять над нею человека, слишком часто служит таким же обманом, как крылья, на миг превращающие отвратительного червя в красивую бабочку»⁵⁰. Если биологический закон является единственным смыслом жизни, из которой исключается всё сверхбиологическое, духовное, то роль искусства сводится «...к задаче скромного аккомпанемента к человеческому аппетиту...», подобно ресторанным мелодиям, которые из «звуков небес» превращаются в «не более как приправу, пикантный соус к кушанью», в то время как еда и питье воспринимаются как «единственно существенное в мире»⁵¹. И никакое человеческое творчество не в состоянии пробудить от того духовного сна, который обуславливается

47 Там же. С. 92.

48 Там же. С. 92–93.

49 *Трубецкой Е. Н.* Два мира в древнерусской иконописи // *Трубецкой Е. Н.* Три очерка о русской иконе. Новосибирск, 1991. С. 39.

50 *Трубецкой Е. Н.* Смысл жизни // *Трубецкой Е. Н.* Избранные произведения. Ростов-на-Дону, 1998. С. 52.

51 Там же. С. 53.

возрастанием житейского благополучия. Философ приходит к выводу, что искусство, лишённое религиозного чувства, не в состоянии достигнуть потустороннего неба или разверзнуть адские глубины⁵². Только в иконе присущее человеку стремление высь достигает своей цели. Иконопись видит в солнце, звёздах, небесной синеве, в земных красках и земных формах образы запредельного и переносит их в созерцание потустороннего мира. Иконописцы, видя телесными очами одно небо, другое прозревали очами умными и «многоцветной радугой» красок видимого неба изображали красоту неба потустороннего. Иными словами, красота тварного мира, понимаемая как отражение красоты горнего, служила для иконописцев основой для создания живых образов запредельной духовной реальности. Именно этим, по мнению профессора Трубецкого, и объясняется преображающая сила иконы.

Открыв красоту русской иконы, русские религиозные мыслители попытались найти противоядие от безобразных, демонических явлений в культуре и искусстве, предотвратить стремительно надвигающуюся смерть красоты. В соответствии с представлениями святоотеческой эстетики они ценили прекрасное в искусстве как отображение и проявление абсолютной красоты. Однако если для *aestheticae patrum* способность сохранять и передавать образы идеальной красоты являлась основной и наиболее значимой, то русские философы главнейшей считали задачу преображения тварного мира путём достижения в произведениях искусства совершенства абсолютной красоты, при этом искусство понималось ими не иначе, как продолжение творения. Однако все они сходятся во мнении, что в действительности искусство не способно выполнить возлагаемую на него теургическую задачу. Ему доступно лишь предварение совершенной красоты, поскольку окончательное и полное преображение мира красотой лежит за пределами нынешнего бытия, в воскресении и жизни будущего века. Такое теургическое бессилие искусства объясняется тем, что оно не обладает преображающей силой красоты, а лишь причастно ей. Реализованным идеалом истинного искусства в глазах русских религиозных философов является только иконопись, поскольку только икона может явить «...Богозданный мир в его надмирной красоте»⁵³, и именно в иконе духовность получила абсолютное воплощение в материи. К сожалению, с приходом к власти воинствующего атеизма все их достижения были для нас надолго утрачены, но теперь, когда опасность окончательной подмены

52 См.: Трубецкой Е. Н. Два мира в древнерусской иконописи // Указ. соч. С. 69.

53 Флоренский П., свящ. Иконостас // Указ. соч. С. 139.

красоты безобразным всё ещё не миновала, их эстетические размышления могут быть очень полезны «...в диалоге с активно прогрессирующей глобализаторской пост-культурой современности»⁵⁴.

Источники

- Бердяев Н. А.* Кризис искусства. М.: Г. А. Леман и С. И. Сахаров, 1918.
- Бердяев Н. А.* О назначении человека. М.: Республика, 1993.
- Бердяев Н. А.* Философия свободного духа // *Бердяев Н. А.* Диалектика божественного и человеческого. М.; Харьков: АСТ; Фолио, 2003. С. 15–340.
- Бердяев Н. А.* Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого // *Бердяев Н. А.* Диалектика божественного и человеческого. М.; Харьков: АСТ; Фолио, 2003. С. 341–500.
- Булгаков С. Н.* Что даёт современному сознанию философия Владимира Соловьёва // *Булгаков С. Н.* От марксизма к идеализму: сборник статей (1896–1903). СПб.: Т-во «Общественная польза», 1903. С. 195–262.
- Булгаков С. Н.* Тоска // *Булгаков С. Н.* Тихие думы: из статей 1911–15 гг. М.: Г. А. Леман и С. И. Сахаров, 1918. С. 53–62.
- Булгаков С. Н.* Сны Геи // *Булгаков С. Н.* Тихие думы: из статей 1911–15 гг. М.: Г. А. Леман и С. И. Сахаров, 1918. С. 135–145.
- Булгаков С. Н.* Труп красоты: по поводу картин Пикассо // *Булгаков С. Н.* Сочинения: в 2 т. Т. 2: Избранные статьи. М.: Наука, 1993. С. 527–545.
- Булгаков С. Н.* Свет Невечерний: созерцания и умозрения. М.: Республика, 1994.
- Булгаков С. Н.* Религия человекобожия у русской интеллигенции // *Булгаков С. Н.* Два града: исследование о природе общественных идеалов. СПб.: РХГИ, 1997. С. 248–299.
- Булгаков С. Н.* Икона и иконопочитание: догматический очерк // *Булгаков С. Н.* Первообраз и образ: сочинения. В 2 т. Т. 2: Философия имени. Икона и иконопочитание. М.; СПб: Искусство; Инапресс, 1999. С. 241–310.
- Булгаков С. Н.* Интеллигенция и религия: о противоречивости современного безрелигиозного мировоззрения. СПб.: ЭРВИ, 2000.
- Соловьёв В. С.* Значение поэзии в стихотворениях Пушкина // *Соловьёв В. С.* Собрание сочинений: в 10 т. Т. 9. СПб.: Просвещение, 1913. С. 294–347.
- Соловьёв В. С.* Красота в природе // *Соловьёв В. С.* Сочинения. М.: Раритет, 1994. С. 198–236.
- Соловьёв В. С.* Общий смысл искусства // *Соловьёв В. С.* Сочинения. М.: Раритет, 1994. С. 237–251.
- Соловьёв В. С.* Смысл любви // *Соловьёв В. С.* Сочинения. М.: Раритет, 1994. С. 252–304.
- Соловьёв В. С.* Философское начало цельного знания. Минск: Харвест, 1999.
- Трубецкой Е. Н.* Два мира в древнерусской иконописи // *Трубецкой Е. Н.* Три очерка о русской иконе. Новосибирск: Сибирь XXI в., 1991. С. 37–71.

54 *Бычков В. В.* Русская теургическая эстетика. С. 9.

Трубецкой Е. Н. Смысл жизни // *Трубецкой Е. Н.* Избранные произведения. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. С. 15–336.

Флоренский П., свящ. Иконостас // Богословские труды. 1972. Вып. 9. С. 80–148.

Литература

Байдин В. О кризисе визуальности в изобразительном искусстве. [Электронный ресурс]. URL: <http://gefter.ru/archive/23789> (дата обращения 15.10.2020).

Бутылкина Е. В. Категория красоты в русской религиозной философии конца XIX — начала XX в. // Рязанский богословский вестник. 2020. № 1 (21). С. 124–139.

Бычков В. В. Русская теургическая эстетика. М.: Ладомир, 2007.

Ваганова Н. А. Софиология протоиерея Сергия Булгакова. М.: ПСТГУ, 2011.

Клеман О. Отблески света: православное богословие красоты. М.: ББИ, 2004.

Цветаева М. Н. Генезис культурно-религиозных смыслов русского искусства: от иконы до авангарда: дис. ... д-ра культурологии. СПб., 2006.